

«Комиссия Ворошилова» — ведущий орган советского планирования по Германии в период Великой Отечественной войны

А. М. Филитов*

После того как в 1943 г. был достигнут коренной перелом в Великой Отечественной (и Второй мировой) войне, приобрела насущную актуальность проблема выработки конкретных проектов послевоенного мирного устройства, в частности в том, что касалось будущего Германии. Выполнению этой задачи должны были служить три плановых органа, образованные при Наркоминделе: «Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства» во главе с бывшим послом СССР в США, заместителем наркома иностранных дел М. М. Литвиновым, «Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками» во главе с бывшим послом СССР в Великобритании И. М. Майским (он также получил пост заместителя наркома) и, наконец, «Комиссия по вопросам перемирия», которую возглавил маршал К. Е. Ворошилов. Деятельность первых из двух названных комиссий была освещена автором этих строк в статье, опубликованной в сборнике, вышедшем к пятидесятилетию Победы под общей редакцией О. А. Ржешевского¹. По ряду причин в этой статье не нашла практически никакого отражения работа третьей из них — «комиссии Ворошилова». Не была затронута эта тема и в опубликованной в том же сборнике статье Г. П. Кынина². Отдельные ее аспекты стали предметом рассмотрения в докладе, который автор представил на конференции, посвященной истории европейской интеграции, и который был опубликован в сборнике ее материалов³. Небольшой раздел, посвященный деятельности

«Комиссии Ворошилова», вошел в статью, посвященную более общей теме о эволюции советской политики в германском вопросе⁴. Между тем тот вклад, который эта структура внесла в разработку основ послевоенной политики в отношении побежденных стран — прежде всего в отношении Германии, весьма значителен и заслуживает отдельного самостоятельного анализа. Определенной попыткой в этом направлении является данная статья.

Остановимся вначале на персональном составе и организационной истории «Комиссии Ворошилова». Ее членами были маршал Б. М. Шапошников (заместитель председателя), дипломаты В. П. Потемкин и И. М. Майский, генерал А. А. Игнатьев (бывший генштабист дореволюционной российской армии, в период Первой мировой войны — военный агент (атташе) России во Франции), М. Р. Галактионов (редактор «Красной звезды»), С. Б. Крылов (видный правовед-международник), адмирал И. С. Исаков, С. Т. Базаров (сотрудник НКВД, секретарь). Итоговый отчет о работе комиссии, датированный 14 февраля 1946 г., фиксирует 55 заседаний, имевших место в период с 6 сентября 1943 по 29 июня 1944 года. Первой крупной разработкой комиссии был «Документ о безоговорочной капитуляции Германии» от 3 февраля 1944 года. Текст содержал 158 статей, в которых подробно перечислялись военные и политические условия, принять которые должны были «германское правительство, Верховное Командование вооруженных сил Германии и германский народ». Отдельные положения проекта еще более конкретизировались в приложенном к нему «Протоколе» из пяти разделов.

* Алексей Митрофанович Филитов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Востребованными поначалу оказались, однако, лишь проблемы демаркации зон оккупации и военные положения документа. В короткий срок комиссия разработала три варианта «Кратких условий капитуляции», где рассматривались именно эти вопросы (от 4, 8 и 12 февраля). Несколько заседаний в конце февраля — начале марта 1944 г. были посвящены проблемам установления гражданской администрации во Франции, Норвегии и Бельгии, а с 22-го заседания (13 марта 1944 г.) комиссия сосредоточилась на обсуждении политических аспектов германской проблемы — с явным выходом на долговременную перспективу. Этот период работы комиссии достаточно хорошо отражен в сохранившихся документах — «Протоколах» и «Дневниках». Первый вид источников представляет собой краткий перечень обсужденных на заседании вопросов и принятых решений; второй (наиболее информативный) излагает ход дискуссии. Составлялись эти документы секретарем комиссии — сотрудником НКВД Базаровым.

Постановлением СНК от 29 июня состав комиссии и ее функции были резко сокращены. В июле-августе пять заседаний были посвящены обсуждению условий перемирия с Финляндией, Венгрией и Румынией. Затем комиссия вернулась к германским делам, в основном корректируя и дополняя проекты приказов, которые должны были отдать союзные главнокомандующие после взятия на себя власти в отдельных зонах оккупации. Заседания комиссии в это время не протоколировались (если они вообще имели место)⁵.

Мандат «Комиссии Ворошилова» был значительно шире, чем об этом можно судить по ее названию. Дело в том, что еще до образования трех упомянутых комиссий был сформулирован принцип, согласно которому перед советской дипломатией ставилась задача «путем условий перемирия по возможности предпринять основные пункты будущего мирного договора»⁶. Тексты мирных договоров со странами — союзниками гитлеровской Германии, выработанные державами-победительницами и вступившие в силу в 1947 г., действительно в значительной мере соответствовали содержанию подписанных с ними ранее, еще в ходе войны, соглашений о перемирии. В этой связи можно говорить об известном совпадении компетенций и задач «Комиссии Литвинова» и «Комиссии Майского», с одной стороны, и «Комиссии Ворошилова» — с другой, параллелизме в их работе. Сразу же возникает вопрос: чем объяснить такой феномен? Шла ли речь о некоей бюрократической путанице? Вовсе нет. Дело в том, что советское планирование по проблемам послевоенного мира, в частности по германской проблеме, носило ярко выраженный плюралистический характер. Разрабатывались различные концепции и проекты. Одни из них носили стратегический характер, отражая глубин-

ные интересы государства, другие — тактический, учитывали необходимость определенным образом считаться с мнениями и установками союзников по Антигитлеровской коалиции. В частности, если у Литвинова и Майского как руководителей соответствующих плановых органов весьма сильно проявлялся ультражесткий подход к Германии и к немцам, включавший в себя идеи расчленения германского государства и деиндустриализации как гарантий против будущей агрессии, то совсем другой подход отражался в дискуссиях и рекомендациях комиссии Ворошилова. Ее участники исходили из предпосылки сохранения единого германского государства с центральным германским правительством и с определенной силовой компонентой.

Приведем несколько конкретных фактов, подтверждающих этот тезис. На 25-м заседании (25 марта) при обсуждении «проекта об оккупации» (его готовил А. А. Игнатьев) было отмечено, что расходы на содержание оккупационных органов должны «оплачиваться германским правительством», а «для охраны границ правительства СССР, Соединенного Королевства и США могут разрешить использование отдельных частей германской полиции порядка»⁷.

На 32-м заседании (27 апреля) тема о германском правительстве всплыла при обсуждении вопроса «о положении личного состава германских вооруженных сил после разоружения и объявления военнопленными». Дискуссия приняла любопытный оборот. Председатель комиссии поставил вопрос о возможности использования военнопленных в качестве рабочей силы после окончания войны, отметив, что это будет иметь место «по-видимому, преимущественно на строительстве дорог, на восстановлении зданий, а также в жилищном строительстве и на сельскохозяйственных работах» — но не в промышленном производстве. Майский выразил несогласие с таким ограничением: «можно даже выделить некоторые фабрики, которые целиком будут обслуживать пленные немцы». Вмешался маршал Шапошников, указав, что от применения труда пленных вряд ли можно ждать большого эффекта; он наблюдал, как они ремонтировали плотину возле его дачи в Архангельском: дел там было максимум на два дня, а они возились неделю. Майский снова не согласен: «производительность труда во многом будет зависеть от того, как мы организуем работу этих лиц». Ворошилов разъясняет свою точку зрения:

«Германских военнопленных правильнее будет использовать на сельскохозяйственных и, в частности, полевых работах, которые носят характер временных работ, в то время как работа на фабриках и заводах является постоянной и использовать на этой работе после капитуляции немцев, у которых в Германии будут оставаться семьи, домашние очаги и т. п., будет нелегко».

Майский, не отказываясь от своей мысли о массовом и повсеместном использовании немецкого труда, несколько ее модифицирует: «Можно организовать так, чтобы одна партия военнопленных сменяла другую... На их место германское правительство обязано будет присылать другие партии германских работников». Дискуссия переходит в русло обсуждения конкретных запросов на немецкую рабочую силу и правовых норм, которыми ее применение должно регулироваться, но тут слово берет генерал Игнатъев и делает самое радикальное предложение: «После пленения германской армии мы можем отпустить немцев домой, а по истечении известного срока потребовать у германского правительства известное количество рабочей силы». Ворошилов возражает: надо все же «предрешить вопрос» о формах и масштабах использования немецкого труда, «согласовав его с союзниками». Майский, ссылаясь на проект программы английских лейбористов, заверяет, что особых проблем с союзниками по этому вопросу не будет⁸.

Далее в «Дневнике» следует описание того, как на том же заседании обсуждался второй вопрос — «как поступить с учетными документами германских военнослужащих после капитуляции Германии». Согласно проекту, разработанному маршалом Шапошниковым, они подлежали уничтожению — «хотя бы уже потому, чтобы они не могли быть использованы для проведения новой мобилизации и для организации вновь вооруженных сил Германии», как выразился автор проекта в обоснование своего предложения. Ворошилов выразил сомнение:

«Союзникам отнюдь нечего бояться списков. Бояться надо, — сказал т. Ворошилов полушутя, — пушек, танков и другого оружия, а не списков. Наоборот, списки нужны для того, чтобы, учитывая в течение всего периода оккупации Германии германских военнослужащих, использовать их надлежащим образом на работах по восстановлению народного хозяйства союзных стран». Майский добавил, что использование труда солдат вермахта следует предусмотреть и после окончания оккупации: «после заключения мирного договора они перестанут быть военнопленными; но в самом мирном договоре должно быть прямо указано, что правительство Германии будет периодически заменять одну партию бывших военнопленных, используемых на восстановительных работах в соответствующих союзных странах, новыми контингентами германских рабочих», в чем, по его мнению, «германское правительство само будет заинтересовано», ибо налицо «необходимость всемерного сокращения тяжелой промышленности Германии», а «это вызовет большую безработицу»⁹.

Материалы этой дискуссии интересны не только тем, что практически все ее участники исходили из перспективы сохранения в Германии после войны эффективного и ответственного правительства.

В разгар войны в отношении будущей судьбы солдат противника был проявлен подход, который без преувеличения может быть назван гуманным. Ярче всего это проявилось у двух представителей генералитета — Ворошилова и Игнатъева. Интересна позиция Майского: в известной записке от 11 января 1944 г. он выступал как сторонник «раздробления» Германии, но в качестве члена «Комиссии Ворошилова» он уже принимает как само собой разумеющееся существование «правительства Германии» (именно так — в единственном числе!).

Как Майский, так и Литвинов несколько пренебрежительно относились к «гуманитарному» аспекту будущей политики в отношении Германии: проблема «перевоспитания» немцев считалась ими «неактуальной». В «Комиссии Ворошилова» было по-иному.

На ее 31-м заседании, состоявшемся 26 апреля 1944 г. — за день до обсуждения проблемы военнопленных, возник вопрос — что делать с литературой по военному делу и военной истории, имевшейся в библиотеках и книгохранилищах Германии. В подготовленном проекте предлагалось простое решение — всю ее изъять. Член комиссии С. Б. Крылов предложил поправку — изъять «только такую, которая содержит пропаганду идей милитаризма и агрессии и не изымать остальную военную литературу». Маршал Шапошников не согласился — «надо изъять всю военную литературу, независимо от того, когда и кем она была написана». Более того — надо будет запретить «издание, распространение и ввоз иностранной военной литературы». Посыл простой — «немцев надо разоружить не только физически, но и духовно». Далее в «Дневнике» следует подробное изложение мнения главы комиссии:

«Тов. Ворошилов, соглашаясь с предложением о том, что немцев необходимо разоружить также и духовно, указывает, что немцы для подготовки настоящей войны широко использовали иностранную военную литературу, и в том числе нашу (например, танковому и парашютному делу они учились у нас). Однако это не означает, что после капитуляции Германии из этой страны должна быть вывезена или уничтожена на месте всякая военная литература. Для демилитаризации Германии необходимо, во-первых, чтобы в этой стране существовала не регулярная армия, даже в сокращенном составе, а милиция в количестве, определенном союзниками, и подлежащая повседневному контролю со стороны последних. Если мы хотим, — продолжает т. Ворошилов, — перевоспитать немецкий народ, то для этого необходимо прежде всего завоевать большую часть его на свою сторону, а не ограничиваться тем, что наложить на него цепи, лишив его возможности читать какую бы то ни было литературу. Спора нет о том, что в период перемирия с немцами нужно поступать как можно более круто, однако лишать их самых элементарных привычек мы не можем. Было время, когда Антанта строила всякие комбинации

над Германией и германским народом, сложившим оружие после Первой империалистической войны. В то время мы искренне сочувствовали этому народу. Однако Антанта тогда задумала в отношении Германии и германского народа целый ряд серьезных мероприятий, но ни одного из них не провела в жизнь. Больше того, сама Антанта сразу же после заключения Версальского договора начала содействовать возрождению Германии и германской военной мощи.

Переходя к вопросу о демилитаризации Германии, т. Ворошилов сказал, что при проведении мероприятий по демилитаризации Германии необходимо исходить из того, что немцы и после капитуляции останутся все же людьми. Однако воспитываться они должны не на милитаристской, а на общей литературе. Из этого следует, что изымать и уничтожать нужно не всю военную литературу, а лишь ту литературу, которая будет включена в заранее составленные и согласованные между союзниками списки».

Эта мысль и была зафиксирована в решении комиссии — с важным добавлением о том, что соответствующий список будет «передан германскому правительству»¹⁰.

На основании такого же заблаговременно подготовленного совместно с союзниками списка предусматривался процесс чистки германской политической жизни от нацистского влияния (вначале предусматривалось автоматическое интернирование всех функционеров НСДАП — вплоть до блокляйтеров — общей численностью до 600 тыс. человек, в конечном счете было решено, что в отношении среднего и низшего звена будет взят на вооружение дифференцированный подход, причем опять-таки карательные меры по этому списку должно было бы осуществлять «германское правительство»). Дискуссия и принятие решение по этому вопросу имели место 4 мая, на 34-м заседании комиссии¹¹.

Тогда же был рассмотрен еще один вопрос — о том, является ли законодательство Веймарской республики приемлемой заменой для подлежащего ликвидации законодательства нацистского режима. Майский, к которому обратился в этом вопросом председатель комиссии, ответил на него утвердительно, хотя и с оговорками: «Разумеется, в известных пределах, установленных правительствами СССР, Союзного Королевства и США (оно) могло бы быть по крайней мере временно восстановлено сразу же после капитуляции Германии. Так как другого, более подходящего законодательства в Германии тогда не будет, а без всякого законодательства нормальную жизнь в стране организовать нельзя, то придется взять за основу старое германское законодательство и на базе этого законодательства постепенно восстанавливать в Германии республиканские учреждения»¹². Так и было решено.

Материалы работы «Комиссии Ворошилова» дают основания для вполне определенных выводов: там высказывались разные взгляды, сталкивались

разные мнения, однако результирующий вектор указывал направление однозначно: образцом для послевоенной Германии должны быть не «советская», не «социалистическая», а Веймарская, буржуазно-демократическая модель; чистку государственного аппарата от нацистов и выполнение обязательств по возмещению ущерба жертвам гитлеровской агрессии должно было осуществлять правительство единого германского государства, разумеется — под контролем союзников, продолжение сотрудничества которых в послевоенном мире считалось само собой разумеющимся.

Разумеется, нельзя идеализировать те позиции и подходы, которыми руководствовались члены этой комиссии. То у одного из них, то у другого проявлялось недоверие и подозрительность в отношении «капиталистического Запада», и это сказывалось на рассмотрении тех или иных вопросов, относящихся к послевоенному будущему Германии. Характерный пример — обсуждение на трех заседаниях проекта директивы о контроле Объединенных Наций над германским транспортом. Несмотря на то что речь шла о довольно частном вопросе, дискуссия развернулась весьма жаркая и заняла три заседания (24 мая, 9 и 15 июня). Речь шла о том, как отнестись к идее восстановления деятельности на территории Германии международных железнодорожных объединений, существовавших до войны, которая имела в проекте, внесенном в ЕКК британским представителем Стрэнгом. А. А. Игнатьев не усмотрел в проекте Стрэнга никакого криминала и предложил принять его за основу. Против него вступили Исаков, Майский и сам председатель комиссии. Главным аргументом у них был тот, что за британским проектом стоят интересы неких «частных британских фирм»¹³. Логика была простая: если что-то выгодно «капиталистической» Англии, то не может быть выгодно «социалистическому» СССР. На такой идеологизированной основе выработать разумную программу германского урегулирования было, конечно, невозможно.

Однако приведенный пример остался скорее исключением. На том же заседании 15 июня, где большинство комиссии «зарубило» проект Стрэнга, обсуждался вопрос о судьбе иностранных инвестиций в Германии, и подход к нему оказался гораздо менее предвзятым. Глава комиссии высказал ту мысль, что довоенные активы «возможно, будут возвращены или компенсированы их собственникам», а отчуждению подлежит лишь та часть балансовой стоимости того или иного предприятия, которая «явилась результатом расширения за время войны». Из числа претендентов на компенсацию должны были, по мнению Ворошилова, быть исключены те фирмы, которые во время войны поддерживали «разного рода секретные соглашения с германскими фирмами». Этой, в принципе, вполне здоровой мысли сопутствовало важное замечание, что такого рода собственников «не будет поддерживать и их собственное правительство

(например, фирма „Дюпон“)»¹⁴. Здесь очевиден отход от идеи, что любое западное правительство — это «орудие монополий», с которым невозможно найти общий язык, — во всяком случае там, где затронуты интересы собственности этих самых монополий. Не лишено иронии то обстоятельство, что американская политика в Германии не подтвердила оптимистического предложения Ворошилова об отношениях между правительством США и частным капиталом; возможно, последовавшее разочарование частично объясняет резкость последующей советской критики «американского империализма».

Оценивая разработки «Комиссии Ворошилова» в развитии, можно констатировать, что оно шло, в общем и целом, в направлении большего реализма, меньшей идеологизированности. Если, например, на заседании 6 мая, где обсуждался вопрос о директивах по контролю над германской промышленностью, Ворошилов категорически заявил, что «система этого контроля должна полностью исключать возможность каких-либо сделок между промышленниками Германии и промышленниками других стран» (это означало бы нечто нереальное и контрпродуктивное — автаркию большую, чем даже при Гитлере!), то окончательная версия соответствующей статьи, вышедшая из комиссии 30 ноября, как раз санкционировала возможность заключения «финансовых, коммерческих и иных сделок» между германским правительством, германскими физическими и юридическими лицами, с одной стороны, и их контрагентами в нейтральных странах — с другой, лишь предусматривая контроль над ними со стороны четырех оккупирующих держав¹⁵.

Заметим: формулировки о германских «промышленниках», о вовлеченных в разного рода сделки «физических и юридических лицах» ясно свидетельствуют, что не предусматривалось никакого покушения на систему частного предпринимательства в послевоенной Германии. В целом подход «Комиссии Ворошилова» к проблемам послевоенного будущего Германии был далек как от идеологии «экспорта революции», так и от идеи «мести» в отношении Германии и немцев.

Какая же из комиссий играла приоритетную роль в выработке решений высшим руководством страны и соответственно — в формировании реальных политических планов? На этот вопрос однозначный ответ дают авторы-составители документального сборника «СССР и германский вопрос» Г. П. Кынин и Й. Лауфер: «Среди этих комиссий главное место занимала Комиссия К. Е. Ворошилова. Это объяснялось тем, что она имела прямое отношение к переговорам союзников в рамках ЕКК¹⁶ в Лондоне, и выражалось в том, что наиболее важные разработанные ею проекты документов утверждались лично И. В. Сталиным»¹⁷. С этим ответом можно в принципе согласиться. Может быть, стоит лишь уточнить:

эта комиссия не просто «имела прямое отношение» к переговорам в ЕКК, она была тем единственным органом, где формулировалась советская позиция по обсуждавшимся в ЕКК документам о капитуляции Германии; соответствующие положения оформлялись в виде директив советскому представителю в этом межсоюзническом органе, послу СССР в Лондоне Ф. Т. Гусеву, и озвучивались последним на заседаниях ЕКК.

С чем никак нельзя согласиться, так это с утверждением тех же авторов, что «ориентировка на раздел Германии на несколько государств, о чем Сталин говорил уже в ноябре 1941 г., стала *основополагающей* в планах Наркоминдела по послевоенному урегулированию» (курсив мой. — А. Ф.)¹⁸. Такой вывод можно сделать в отношении комиссий Литвинова и Майского (хотя и там эта точка зрения не была монополюсной), но никак не к комиссии, которую возглавлял Ворошилов. Материалы работы этой комиссии в изданном ими сборнике представлены несколько однобоко (на чем мы еще остановимся), но и то, что опубликовано, говорит само за себя. Так, из записи о заседании комиссии от 5 мая следует, что ее председатель подверг критике американский и британский проекты о контрольном механизме в Германии как раз за то, что «ни в одном из этих документов ни слова не говорится о месте германского правительства, его центральных органов в системе управления Германии»¹⁹. Но если бы имела ориентация на раздел, то эту особенность западных проектов скорее следовало бы приветствовать!

Й. Лауфер в одной из своих статей подробно разбирает различные обсуждавшиеся в «Комиссии Ворошилова» проекты разделения Германии на зоны оккупации (их тексты занимают, пожалуй, непропорционально большое место и в упомянутом сборнике), усматривая в них некий зловещий смысл: советская сторона имела-де изначально намерение превратить границы зон в межгосударственные границы, т. е., по сути, планировала создание двух германских государств еще с начала 1944 года²⁰. Между тем из опубликованной записи заседания «Комиссии Ворошилова» от 30 апреля 1944 г. следует, что ее председатель прямо отверг идею превращения отдельных зон в некие самостоятельные изолированные друг от друга образования. Вот как звучало его высказывание:

«... Намечаемые зоны являются лишь зонами для управления, а не зонами для хозяйничанья. Нельзя рассматривать каждую из трех зон оккупации в качестве собственности той союзной державы, которая будет ее оккупировать. Если встать на этот путь, то тогда пришлось бы согласиться и с тем, что северо-западная часть Германии вместе с Рурским и Саарским бассейнами, намеченная для оккупации британскими войсками, должна рассматриваться в качестве собственности британского правительства, с чем ни при каких условиях нельзя согласиться»²¹.

Подобная позиция была характерна не только для данной действовавшей при НКВДе комиссии (повторим — «главной» из трех имевшихся), но и для руководства 3-го Европейского отдела НКВД СССР, курировавшего германские дела. Возглавивший его с сентября 1943 г. А. А. Смирнов четко сформулировал ее в проекте ответа на запрос английского представителя в ЕКК Стрэнга (9 августа 1944 г.):

«При решении затронутого англичанами вопроса было бы целесообразно придерживаться принципа — рассматривать Германию как единое экономическое целое вне зависимости от зон оккупации. Это усилит наши позиции в вопросе о контроле германской промышленности, сосредоточенной главным образом в зоне англо-американской оккупации»²².

Этот документ не представлен в упомянутом сборнике. Возможно, это оправданно: Смирнов, по сути, продублировал высказывание Ворошилова. Труднее понять, почему составители полностью проигнорировали материалы заседаний его комиссии 26 и 27 апреля и 4 мая 1944 г., где обсуждались никак не менее важные вопросы будущего обращения с Германией — и с немцами. В результате читатель сборника может получить искаженную

картину. Из опубликованного в нем документа комиссии от 3 февраля 1944 г. он узнает, что она выступала за то, чтобы запретить в Германии всю военную литературу и интернировать всех функционеров НСДАП — вплоть до самого низового звена — блокляйтеров²³. А вот о том, что такой огульный подход позднее, а именно в ходе заседания 26 апреля и 4 мая, был отвергнут, — это осталось читателю сборника неизвестным. Данный пример показателен — он предупреждает против сугубо выборочной манеры обращения с источниками. В ситуации, когда после открытия российских архивов источников стало много, «выбрать» (в смысле — вырвать) то, что соответствует порой предвзятой концепции, стало неизмеримо легче. Это создает определенную проблему. Тем важнее показать полную палитру имевшихся в советском внешнеполитическом сообществе подходов и концепций, выделить в них то, что представляло главное направление планирования. В этом смысле, анализ деятельности «Комиссии Ворошилова» имеет особое значение — в том числе и в плане опровержения определенных искаженных представлений, имеющих в историографии.

¹ См. Филитов А. М. В комиссиях Наркоминдела...//Вторая мировая война. Актуальные проблемы. Отв. ред. О. А. Ржевский. М., 1995, с. 54–71.

² См. Кынин Г. П. Антигитлеровская коалиция и вопрос о послевоенном устройстве Германии // там же, с. 166–176

³ Филитов А. М. Европа в советских планах послевоенного устройства // История европейской интеграции (1945–1994). Под ред. А. С. Намазовой и Б. Эмерсон. М., 1995, с. 17–29.

⁴ Филитов А. М. СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961 гг.)// Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. Отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003, с. 223–256.

⁵ См.: АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 15, д. 150, лл. 2–4.

⁶ СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1: 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г./ Сост. Г. П. Кынин, Й. Лауфер. М., 1996, с. 222.

⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 15, д. 150, л. 64.

⁸ Там же, л. 91–94

⁹ Там же, л. 95.

¹⁰ Там же, л. 84–88

¹¹ Там же, л. 110–112

¹² Там же, л. 109.

¹³ Там же, л. 141–143, 154.

¹⁴ Там же, л. 145.

¹⁵ Там же, л. 361.

¹⁶ ЕКК (Европейская Консультативная Комиссия) была образована по решению Тегеранской конференции и имела своей главной задачей выработку условий безоговорочной капитуляции Германии и будущей политики союзников в германском вопросе. В ее работе первоначально участвовали представители СССР, США и Великобритании, а позднее к ним присоединился представитель Франции.

¹⁷ СССР и германский вопрос..., Т. 1, с. 26. Тот факт, что руководитель «Комиссии по репарациям» Майский являлся рядовым членом «Комиссии Ворошилова», также много говорит о том, какая из них была более авторитетной.

¹⁸ Там же, с. 15. Это утверждение стало широко тиражироваться в зарубежной историографии. См. Badstübner R. Vom «Reich» zum doppelten Deutschland: Gesellschaft und Politik im Umbruch, Berlin, 1999, S. 44–47.

¹⁹ СССР и германский вопрос..., Т. 1, с. 469–470.

²⁰ Laufer J. Die UdSSR und die Zonenteilung Deutschlands (1943–1944)// Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1995, H. 4.

²¹ СССР и германский вопрос..., Т. 1, с. 467.

²² АВП РФ, ф. 012, оп. 5, п. 61, д. 101, л. 55.

²³ СССР и германский вопрос, с. 397.